

УДК 322
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-33-41

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ

METHODOLOGY FOR STUDIES OF RELIGIOUS AND POLITICAL THREATS IN MODERN SOCIO-POLITICAL SCIENCE AND PHILOSOPHY

В. И. Младенов,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
mladenov.v@mail.ru

И. В. Романова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
il.romanova2010@yandex.ru

А. А. Жукова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
artem_jukov68@mail.ru

V. Mladenov,
Transbaikal State University, Chita

I. Romanova,
Transbaikal State University, Chita

A. Zhukova,
Transbaikal State University, Chita

Приводится анализ методологии исследований религиозных угроз. Цель исследования – выявить специфику относительно иных угроз государственной и общественной безопасности. Методология исследования представлена феноменологическим подходом, сравнительным подходом, историческим подходом, комплексным подходом, определяющими ход исследования, заключающийся не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии [16–18]. Как доказывают авторы, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают отторжение. Эта реакция побуждает их предпринимать усилия, с одной стороны, нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть – на процесс адаптации к обществу, которое первоначально ими отвергалось. В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо так же, как и его конкуренты, трансформировать свою социальную политику

Ключевые слова: религиозные угрозы; религиозная безопасность; эволюция религии; религиозный конфликт; социальная адаптация религии; религиозный экстремизм; антикультизм; методология исследования; общественная безопасность; трансформация идеологических установок

The article analyzes the research methodology of the problem of religious threats, aiming to identify their specificity in comparison with other threats to state and public security. Methodology is presented by a phenomenological approach, comparative approach, historical approach, comprehensive approach, determination of the study course, which consists not in exposing the threat to the public manifestations of religion, but in the development of the theory of social adaptation of religion. The authors prove that emerging religion by trying to spread its influence in society causes a negative reaction. This reaction compels them to make efforts, on the one hand it aims to protect their rights, on the other – aimed at the transformation of the original own institutional,

ideological and strategic installations, that is at the process of adaptation to the society that originally has been rejected by them.

As a result of such interaction, religious associations initially persecuted in society form an atmosphere of tolerance around them and become equal participants in social discourse. It is important that this process, which generates new players within the social space, affects traditional religions, which are forced either to squeeze in the market of spirituality, or, like its competitors, to transform their social policy

Key words: *religious threats to religious security; evolution of religion; religious conflict; social adaptation of religion; religious extremism; anti-Semitism; research methodology; public safety; transformation of ideological attitudes*

Введение. Эпоха современности характеризуется как мир, в котором взаимодействует множество религий, что создает проблему их взаимодействия. Причиной является то, что каждая из религиозных организаций, заявляя о своих исключительных правах на общение с Богом (иным миром), находится в состоянии непрерывной борьбы с другими организациями за расширение сферы своего влияния. Эта борьба, длившаяся на протяжении всей человеческой истории, сопровождается взаимным непониманием, неприятием и многочисленными обвинениями, указывающими на угрозу личности, обществу и государству со стороны религиозных оппонентов. При этом в современном мире в связи с глобализацией мирового культурного пространства проблемы религиозного противостояния становятся все более актуальными. Этот процесс сопровождается появлением значительного количества религиозных угроз, что требует проведения социально-философского анализа данной проблемы [8]. Таким образом, основной целью исследования содержания религиозных угроз должно стать выявление их специфики по сравнению с иными угрозами государственной и общественной безопасности.

Объект исследования – религиозная угроза в социально-политической системе современного общества.

Предметом исследования выступает сущность религиозной угрозы, в представлениях политологии и социальной философии.

Цель исследования – определение сущности и структуры религиозной угрозы, в дискурсе социальной философии и политологии. Задачей исследования является анализ содержания понятия и сущности религиозной и нерелигиозной угроз, исходящих от религиозных организаций.

Методология исследования определена применением феноменологического и срав-

нительного анализа сущности религиозных угроз. Существенное значение для содержания статьи имеет применение комплексного метода исследования сознания современных верующих. В работе применен комплекс исследовательских методов структурно-функционального анализа, дополненного применением общенаучных методов анализа, синтеза, индукции, дедукции и абстрагирования.

Степень исследованности темы. Проблемы религиозных угроз анализируются Р. Д. Лифтоном, Д. Грутусом, С. Хассеном, А. Л. Дворкиным, А. И. Хвыля-Олинтером, И. А. Тарасевичем в рамках концепции религиозной безопасности. Социально-философские концепции, позволившие сформировать базу критики данной концепции, формулировались положениями М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, К. Маркса, Р. Дарендорфа, Н. Лумана, Э. Баркер, Дж. Ричардсона, П. Тиллиха, Б. Р. Уилсона, И. Я. Кантерова, С. И. Иваненко. Методология исследования представлена феноменологическим подходом, сравнительным, историческим и комплексным.

Результаты анализа показали, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, наносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Религиозная угроза заключается в понятии об опасности влияния на верующих вероучения, которое приводит их к преступлениям либо к совершению преступлений против них. Однако в последнем случае речь идет о трансцендентных ценностях, которые определяются субъективно, результатом чего являются противоположные оценки одним и тем же действиям традиционных, считающихся социально при-

емлемыми, и нетрадиционных, считающихся экстремистскими религий.

Обсуждение результатов. В рамках поставленной цели важно разобраться с определением религиозной угрозы, так как анализ политологических, исторических, юридических, социологических, психологических, социально-философских публикаций, посвященных религиозной безопасности, доказывает, что понятие о религиозной угрозе представляет собой отправную точку большинства исследований этого явления. При этом некорректное определение религиозной угрозы может стать причиной ошибок в определении стратегии религиозной безопасности. В частности, понимание сущности религиозной угрозы у отечественных исследователей, расширительно трактующих религию (или виды религий) как источник общественной угрозы, существенно отличается от юридического определения содержания понятия «угроза» [17].

Например, Стратегия национальной безопасности трактует понятие «экстремизм», как социальную систему, которую составляет широкий комплекс явлений, таких как организации, идеологические положения, установки, а также практические действия граждан и социальных групп, использующих насилие либо угрозу его применения в отношении к личности, обществу, государству, а также международным, политическим, национальным и религиозным организациям, имеющим целью изменение государственного строя, разжигание социальной вражды [12]. Из этого перечня вытекает, что религиозные организации могут представлять собой угрозу современному обществу. Однако в то же время такую же угрозу могут представлять и многие другие нерелигиозные организации, выступающие против религии или каких-либо видов религии. Таким образом, остается не ясным, чем экстремистские действия со стороны религиозных организаций отличаются от экстремистских действий со стороны любых других социальных, националистических, этнических и иных структур [3].

Поэтому среди специалистов ведутся споры относительно этого понятия. Одни пытаются обосновать ключевую роль религиозного фактора. Другие напротив полностью отрицают само это явление. Те, кто стремится обосновать такое понятие, как «религиозный экстремизм», утверждают, что его

основным сущностным признаком выступает религия. К этой группе относится И. А. Тарасевич, который определил религиозную угрозу в качестве условий и факторов, возникающих в рамках религиозного пространства и создающих возможность нанесения прямого или косвенного ущерба человеку, обществу, государству [18]. Однако, если учесть, что в современной России есть религиозная и нерелигиозная сферы, которые соотносятся условно как светскость и религиозность, то из приведенного определения вытекает, что только религиозная сфера является источником угроз, с чем нельзя согласиться полностью. Признавая факт, что религия представляет собой особую сферу, активно влияющую на социальную, политическую, культурную жизнь и т.д., необходимо признать и то, что ее воздействие не сводится только к экстремизму [7].

Большинство исследователей процессов взаимодействия между обществом и религией справедливо указывают на то, что данная социальная система имеет различные уровни [5]. В частности, религиозные нормы в значительном количестве случаев оказывают сдерживающее влияние на поведение верующих, указывая на запретные формы. С другой стороны, многие религиозные установки, основанные на вере в исключительность источника религиозной истины, ведут к формированию религиозного фанатизма, углублению нетерпимости, национальной розни. Таким образом, согласно мнению ученых, обосновывающих правомерность понятия «религиозный экстремизм», религия, обладающая мощным идеяным потенциалом, обладает и ресурсами, способствующими возникновению социальных угроз и конфликтов [22].

Противоположная точка зрения доказывает, что «чистого религиозного экстремизма» не существует, так как за термином «религиозный экстремизм» чаще всего стоят явления, которые на деле являются политическим, экономическим или военным экстремизмом. «Религиозный экстремизм», определяемый как деструктивная форма социальных отношений, сопровождающихся агрессивной пропагандой неких религиозных ценностей, признается здесь исключительно социальным явлением, несущим угрозу, связанную с теми противоправными действиями, которые совершают экстремистские

организации, а не с теми идеями, которые содержатся в их идеологии [6]. В подтверждение этой точки зрения необходимо указать на то, что любая религия, предполагающая наличие особой связи с Богом, претендующая на обладание истиной и требующая от своей паствы исполнения религиозных обязательств, может быть признана экстремистской. Однако экстремистскими становятся только те религиозные организации, которые совершают реальные преступления против человека и общества [1].

Эти данные доказывают, что экстремизм является не религиозным, а социальным явлением, социальные последствия которого одинаковы вне зависимости от их религиозного или внерелигиозного источника. Эти последствия определяются содержанием целей экстремистских организаций, для которых главным является осуществление социального насилия во имя политических или экономических целей. Экстремисты могут прикрываться религиозными лозунгами, однако это не меняет их сущностного стремления к захвату власти насильственными методами. Поэтому очевидно, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации [10]. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, наносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Этот вид угроз несет за собой реальный вред человеку и обществу и подпадает под действие уголовного законодательства. Напротив, религиозные угрозы затрагивают сферу трансцендентных ценностей, которые не фиксируются законодательством и касаются тех проблем, которые должны разрешаться с помощью межконфессионального диалога разных религий [13].

Отсюда можно заключить, что под религиозной угрозой следует понимать комплекс факторов, происходящих в религиозной сфере и являющихся причиной ущерба для общества религиозной системы, и религиозного спасения личности. Однако сказанное не оговорено в юридических документах, в том числе в Стратегии национальной безопасности. Это позволяет религиозную угрозу характеризовать не как реальный ущерб, а лишь как риторику, которая провоцирует

конфликтное состояние конфессий. Степень воздействия религии на жизнь социума всегда оценивается субъективно.

Например, религиозная деятельность нетрадиционных религиозных объединений характеризуется представителями православия как религиозный экстремизм, основными признаками которого считаются религиозная идеология; стремление обосновать возможность насильственных действий против оппонентов; преобладание эмоционального способа воздействия; деформация сознания людей [19]. Здесь сквозит традиционная конфессиональная позиция о религиозных оппонентах, которые негативно относятся к другим конфессиям.

Внутренняя конкуренция в борьбе за паству перевешивает способность к принятию права на существование иных религиозных и духовных концепций. Причиной этого является религиозная идеология, наличествующая в каждой религии и отрицающая инакомыслие по отношению к проповедуемым ей догмам [23].

Это служит причиной возникновения противоречия между современным либеральным законодательством, предлагающим гарантию права свободы религиозного выбора и радикальными религиозными требованиями со стороны доминирующей в обществе религии, диктующей подчинение граждан страны, права которых отходят на второй план по сравнению с навязываемыми им религиозными обязанностями. Трудность составляет то, что в России, как светском государстве, действуют законы, поддерживающие принципы свободы совести, делающие неприемлемыми религиозную нетерпимость. Поэтому понадобилось разграничение между такими понятиями, как «экстремизм» и «вероучение», первое из которых означало насилие, а второе – абстрактные положения религиозных текстов, которые могли оправдывать насилие, однако насилием не являлись [18].

Как правило, классики религиоведения, говоря о содержании религиозных текстов, указывали на трансцендентный характер религиозных истин, что не позволяло им однозначно оценивать степень их опасности, так как предполагало признание неоднозначности их возможного влияния на общество [23]. Однако в социальной реальности проблемами религиозной безопасности, как правило,

занимались не классики, а специалисты-коммуникаторы, использующие неверифицируемость представлений о религии в своих целях и распространяющих свои оценки в отношении вероучительных доктрин своих религиозных оппонентов. Они стали трактовать содержание религиозных текстов в качестве руководства для социальной, экономической и политической деятельности и оценивать его как источник религиозной угрозы [12].

Специфика данного взгляда должна заключаться в постулировании опасности влияния на верующих особого вероучения, которое выступает в качестве мотива поведения верующих и приводит их к преступлениям либо к совершению преступлений против них. Поэтому представления о религиозной угрозе, закрепившиеся в современном российском дискурсе, включают в себя убеждения в том, что какие-то из религиозных текстов могут содержать скрытые и явные угрозы существующим порядкам и личности [24]. Вместе с этим надо учитывать, что уголовная ответственность предусматривается не за любые действия, а только за те, которые совершаются публично с обращением к определенному кругу лиц. Таким образом, не всякий религиозный текст, представляющий собой выражение нетрадиционных религиозных идей, может быть признан экстремистским, а только тот, который содержит публичные призывы к экстремизму [2].

С другой стороны, необходимо отдавать отчет в том, что многие мировые религии основаны на радикальных доктринах, содержащихся, в частности в Библии и Коране, где имеются призывы, требующие применять насилие по отношению к неверным. Отсюда можно заключить что, радикальные требования содержит любой вероисповедный текст, то есть все религии очень чувствительны к посягательствам на ценности, которые они почитают святыми. Таким образом, любая из религий обладает таким потенциалом, который, с одной стороны, придает ей устойчивость к внешней агрессии, с другой – открывает возможности, благодаря которым отдельные ее представители, включая верующих, священников, отдельные организационные подразделения, могли бы высказывать экстремистские идеи, а также участвовать в экстремистской деятельности. Однако важно и то, что представители экстремистских организаций, которые не являются религиоз-

ными, могут использовать в своей практике религиозные лозунги, камуфлируя политические и экономические цели [18].

Наличие религиозных текстов, содержащих определенные типы призывов, понимаемые как угрозы, все же представляют такую угрозу обществу, которая существует еще как возможность. То есть спецификой понятия «религиозная угроза» по сравнению с иными типами угроз является то, что предметом ее рассмотрения являются события, которые еще только должны случиться, или призывы, посредством которых религиозные тексты призывают совершить. Для практики регулирования и наказания такой тип угроз, как правило, связан с дискурсивностью и попытками разных сторон доказать различные позиции в отношении трактовки одних и тех же действий. Поэтому для определения степени опасности религиозного текста прибегают не только к юридической, но и к религиоведческой, филологической и психологической экспертизам, дающим научный, но часто далекий от правового, анализ степени его опасности.

При этом ответы на вопрос о сущности влияния религиозных текстов на общество очень разнятся между собой. Представители конфессионального религиоведения считают, что сущностью религиозного откровения, которую отражают религиозные тексты, является наличие связи с трансцендентным началом, что выявляется из их содержания путем анализа, выявляющего несоответствие догматике той или иной религии. Напротив, светское религиоведение считает религию только социальным явлением, в этом случае выявление религиозной угрозы заключается в анализе содержащихся в религиозных текстах призывов к осуществлению противоправных видов социального поведения [4].

Однако здесь есть определенное противоречие, которое заключается в том, что угроза, которая исходит от религий, кажется религиозной только тогда, когда она носит потенциальный характер, а при констатации уже совершенных противоправных действий религиозная угроза перестает быть потенциальной и становится реальным причинением ущерба. Реально причиненный ущерб, в отличие от потенциальной угрозы, как правило, носит конкретный социальный характер и определяется количеством материального вреда или вреда здоровью и жизни человека. В этом случае религиозные организации,

причинившие этот вред, рассматриваются уже не как религиозные, а как экстремистские. Их вина перестает быть религиозной, таким образом, и угроза принимает социальный характер. Однако как тогда должна фиксироваться религиозная угроза, остающаяся в рамках текстового содержания вероучительных доктрин?

По мнению современных российских законодателей и исследователей религиозной безопасности, угроза, со стороны вероисповедных текстов представлена таким противоправным действием, как «оскорбление религиозных чувств верующих», которое носит религиозный, но в то же время фиксируемый в практическом плане характер, который отражен как «публичные действия, выражющие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [11]. При этом понятно, что нанесение имущественного либо физического вреда вряд ли способно нанести ущерб «религиозным чувствам», поэтому важно определить, что такое моральный вред.

Дело в том, что в понятии о «моральном вреде» не зафиксированы конкретные последствия преступного воздействия на человека и общество, которые отражали бы наступление ущерба для религиозных чувств верующих. Не ясным является, как абстрактное понятие «религиозные чувства» вообще может испытывать какой либо ущерб от причиненного им оскорблении. Реальная степень религиозной угрозы в области причинения морального ущерба религиозным чувствам верующих остается предметом дискурса в отношении каждого конкретного действия и поэтому носит характер потенциальной возможности. Отсюда основной задачей борцов за религиозную безопасность традиционно является попытка убедить массовое сознание и представителей правоохранительных органов в том, что природа той или иной нетрадиционной религии носит опасный характер.

Это ставит на повестку дня проблему, связанную с обсуждением того, является ли каждая религия самостоятельным явлением, которое основывается на объективно существовавшем контакте с силами вне человеческого сознания, либо она зависит только от социальных и психологических факторов и, таким образом, существует только в сознании верующих. Внешний наблюдатель не может ответить на этот вопрос, так как ответ

скрыт от наблюдения извне. Поэтому вопросы о потенциальных угрозах религии чаще всего являются предметом дискурса, зависящего от априорных убеждений того или иного автора.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что каждая религия из того множества, которое можно наблюдать в границах современного конфессионального пространства, может иметь возможность связи с за предельным и спасения верующих. Поэтому светское религиоведение и социальная философия заинтересованы не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии, где рассматривается система взаимодействия религии и общества. Согласно этой теории, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают негативную реакцию. Эта реакция и связанная с ней практика преследования нетрадиционных религий оценивается в качестве инструмента социализации, который вынуждает вновь возникающие религиозные объединения предпринимать усилия, с одной стороны нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть на процесс адаптации к обществу, которое первоначально им отвергалось.

В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Они участвуют в процессах адаптации, которые оцениваются в качестве объективной реальности, существующей вокруг любой религиозной новации, появление которой вызывает ответную реакцию в виде социального неодобрения. Отвечая на это неодобрение, организация стремится к формированию своей социальной приемлемости и респектабельности. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо, как и конкуренты, трансформировать свою социальную политику. Христианство не уходит в прошлое, однако реальность такова, что современная религиозная ситуация

начинает характеризоваться все большим разнообразием, а проблема религиозной угрозы все менее поддается регулирова-

нию посредством лишь простых запретительных акций.

Список литературы

1. Астэр И. В., Кучукова Н. Ю., Серов Н. В. Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2. С. 1–14.
2. Бельский А. И. Уголовная ответственность // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 67–69.
3. Бушуева Е. С., Жуков А. В. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
4. Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки / сост. А. М. Лепихов, О. П. Мороз. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1979. С. 61.
5. Добреньков В. И., Радугин А. А. Методологические вопросы исследования религии: монография. М.: Выш. школа, 1989. С. 178.
6. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2017. № 12, ч. 4. С. 66–71.
7. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
8. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2. С. 129–136.
9. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3. С. 27–33.
10. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 3-1. С. 54–58.
11. Загребина И. В. К вопросу о государственной религиоведческой экспертизе // Вестник Приволжской академии государственной службы. 2010. № 3. С. 73–77.
12. Луман Н. Власть. М.: Практис, 2001. С. 52.
13. Прокудина Н. В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // Magistra Vitae: журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 75–82.
14. Романова Н. П. Феномен статусной некомпетентности // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 4. С. 212–217.
15. Романова Н. П., Жукова А. А. Религиозные образы в процессах возрождения этнических культур // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 2. С. 119–124.
16. Романова Н. П. Социальное неравенство: методологический аспект // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 4. С. 140–152.
17. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 644–650.
18. Светский Е. В. Россия – светское, демократическое государство // Публичное и частное право. 2014. № 4. С. 68–87.
19. Слобожникова В. С. Концептуализация угроз религиозной безопасности исследовательских практик современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 255–261.
20. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Тюмень, 2015. 376 с.
21. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994. 432 с.
22. Яворский М.А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 10-13.
23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 42. C. 104–239.
24. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. C. 1321–1330.

References

1. Astehr I. V., Kuchukova N. Yu., Serov N. V. *Sovremennye issledovaniya sotsialnyh problem* (Modern research of social problems), 2012, no. 2, pp. 1–14.
2. Belsky A. I. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskog oinstituta MVD Rossii* (Bulletin of the Belgorod law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia), 2013, no. 2, pp. 67–69.
3. Bushueva E. S., Zhukov A. V. *Sotsiokulturalnaya sreda Zabaykaliya: spetsifika formirovaniya* (Socio-cultural environment of the Transbaikal region: specific features of formation). Chita: ZaBGU, 2012, 170 p.
4. *Dialogi: polemicheskie stati o vozmozhnyh posledstviyah razvitiya sovremennoy nauki* (Dialogues: polemic articles on possible consequences of the modern science development) / comp. A. M. Lepikhov, O. P. Moroz. Moscow: State publishing house polit. literature, 1979, p. 61.
5. Dobrenkov V. I., Radugin A. A. *Metodologicheskie voprosy issledovaniya religii: monografiya* (Methodological issues of religion research: monograph). Moscow: Higher school, 1989, p. 178.
6. Zhukov A. V. *Voprosy teorii i praktiki. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskienauki, kulturologiya i iskusstvovedenie* (Questions of theory and practice. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history), 2017, no. 12, part 4, pp. 66–71.
7. Zhukov A. V. *Religioznoe mifotvorchestvo v obydennoy religioznosti naseleniya Baykalskogo regiona: avtoreferat dis. d-ra filos. nauk: 09.00.14* (Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of the doctor of philos. sciences: 09.00.14). Chita, 2011. 45 p.
8. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 2, p. 129–136.
9. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 3, pp. 27–33.
10. Zhukov A. V., Zhukova A. A. *Voprosy teorii i praktiki. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie* (Questions of theory and practice. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history), 2014, no. 3-1, pp. 54–58.
11. Zagrebina I. V. *Vestnik Privolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* (Bulletin of the Volga Academy of Public Service). 2010, no. 3, pp. 73–77.
12. Luman N. *Vlast* (Power). Moscow: Praxis, 2001, p. 52.
13. Prokudina N. V. *Magistra Vitae: zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* (Magistra Vitae: Historical Sciences and Archeology Journal), 2017, no. 1, pp. 75–82.
14. Romanova N. P. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2009, no. 4, pp. 212–217.
15. Romanova N. P., Zhukova A. A. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikal State University), 2012, no. 2, pp. 119–124.
16. Romanova N. P. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2008, no. 4, pp. 140–152.
17. Ruzevich O. R. *Yuridicheskaya tekhnika* (Legal technique), 2015, no. 9, pp. 644–650.
18. Svetskiy E. V. *Publichnoe i chastnoe pravo* (Public and private law), 2014, no. 4, pp. 68–87.
19. Slobozhnikova V. S. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* (Bulletin of the Saratov State Law Academy), 2019, no. 6, pp. 255–261.
20. Tarasevich I. A. *Konstitutsionno-pravovye osnovy religioznoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: dis. d-ra yurid. nauk: 12.00.02* (Constitutional and legal bases of religious security of the Russian Federation: dis. ... doctor of law: 12.00.02). Tyumen, 2015, 376 p.
21. Shleyermakher F. *Rechi o religii. Monologи* (Speeches about religion. Monologues). Saint Petersburg: Aleteya, 1994, 432 p.
22. Yavorskiy M.A. *Zhurnal rossiyskogo prava* (Journal of Russian Law), 2007, no. 7, pp. 10–13.
23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. *Indian Journal of Science and Technology* (Indian Journal of Science and Technology), 2016, vol. 9, no. 42, pp. 104–239.
24. Zhukov A., Zhukova A. *IEJME: Mathematics Education* (IEJME: Mathematics Education), 2016, vol. 11, no. 5, pp. 1321–1330.

Коротко об авторах

Младенов Василий Иванович, соискатель, кафедра философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: философия безопасности, религиоведение, культурология, социальные и психологические проблемы личности, религиозная безопасность
mladenov.v@mail.ru

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор кафедры социально-правовых дисциплин, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации
il.romanova2010@yandex.ru

Жукова Алена Алексеевна, канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник научно-образовательного музеиного центра, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья
kazarbina_a@mail.ru

Briefly about the authors

Vasily Mladenov, applicant for scientific degree, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Research interests: philosophy of security, religious studies, cultural studies, social and psychological problems of the individual, religious security

Ilona Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Social and Legal Disciplines department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, philosophy of solitude, business communications

Alena Zhukova, candidate of philosophical sciences, senior research worker, scientific educational museum center, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: religion study, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalia

Образец цитирования

Младенов В. И., Романова И. В., Жукова А. А. Методология исследований религиозно-политических угроз в современной социально-политической науке и философии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 33–41. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-33-41.

Romanova I., Mladenov V., Zhukova A. Methodology for studies of religious and political threats in modern socio-political science and philosophy // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 9, pp. 33–41. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-9-33-41.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020 г.
Статья принята к публикации: 30.10.2020 г.